

Compte rendu du colloque sur Gustave Chpet, organisé à Bordeaux, MSHA, par le Professeur Maryse Dennes, rédigé par le Professeur Tatiana Marsinkovskaya, pour la revue *Voprosy Psihologii*, 2008, 1 (février).

**Густав Шпет и его наследие.
У русских истоков структурализма и семиотики**

Современная ситуация в науке и, возможно, и в обществе, актуализирует некоторые проблемы, волновавшие отечественных ученых еще в начале XX века. Это вопросы сути и смысла культуры, роли культуры в развитии технократического и не гуманистического общества, в становлении активности и творчества, в процессе общения людей разной ментальности. Актуальность этой проблематики подтвердила и проходившая с 20 по 24 ноября 2007 года в Бордо (Франция) конференция, посвященная творчеству Шпета, для которого именно эти проблемы были наиболее значимыми.

Конференция носила междисциплинарный характер, и междисциплинарный дискурс придавал особую остроту проходившим дискуссиям и показал, что именно такой комплексный подход характерен для современной науки и именно в нем ее будущее. Ученые разных стран (Россия, Франция, Германия, Италия, США, Великобритания, Польша), принявшие участие в конференции, выявили разные грани творчества Шпета, доказав, что его труды значимы не только для отечественной, но и для зарубежной культуры.

Эмоциональная тональность конференции была задана в приветствии Т.Г. Шпет-Максимовой, которая выразила глубокую благодарность ее участникам и радость от того, что после стольких тяжелых лет забвения и гонений на ученого и его близких, его труды снова стали востребованы обществом и наукой.

Проблематика конференции условно может быть разделена на несколько направлений. Это методология науки, сравнение методологических и философских идей Шпета с современными ему учеными и их последователями, проблема личности и культуры, проблемы лингвистики и семиотики и вопросы искусствоведения. Обобщая, эти вопросы могут быть сведены в две группы: осмысление времени в научном творчестве и отображение личности творца в его произведениях.

Вопрос о том, каким образом время рефлексировалось учеными и представало в их трудах, освещался в значительном числе докладов, в которых творчество Шпета сравнивалось с философскими и лингвистическими концепциями других ученых. Особое внимание было уделено сопоставлению творчества и судьбы Г. Шпета и М. Бахтина. Жесткая внешняя депривация существенно повлияла не только на проблематику их исследований (частично стимулировав переход от философии к лингвистике), но и на их жизнь (ссылка Бахтина и ссылка и расстрел Шпета). Однако, как показало содержание докладов Л. Гоготишвили, Л. Польщиковой, Н. Васильева, переход к лингвистике был не случаен, так как вопрос о взаимосвязи формы и содержания, смысла произведения для обоих ученых был крайне важен. Возможно, значимую роль сыграло и стремление осознать способы выражения, кристаллизации художником своих переживаний, что проявляется в художественном творчестве более прозрачно и непосредственно, чем в научном, опосредованном академической терминологией и традициями.

Не менее частым было и обращение к идеям В. Волошинова (С. Чугунников, И. Агеева). В докладе С. Чугунникова сравнивался подход к проблеме внутренней формы в социологической лингвистике Волошинова с этнопсихологией Г. Шпета. Он убедительно показал, что для Волошинова язык являлся основным предметом исследования, так как внутренняя форма связана с национальной самобытностью и представляет собой отражение духа языка в индивидуальном сознании. Это отличалось от позиции Шпета, для которого язык, в том числе и его внутренняя форма, не является предметом этнопсихологического

исследования, но лишь одним из способов, путей проникновения в переживания, отношения как к своему, так и к другим народам.

О.Г. Мазаева сравнивала труды Шпета и А.Белого, показывая, что оба, хотя и по-разному, средствами разных языков (поэзия, философия) выразили устремления Серебряного века к феноменологически - герменевтическим горизонтам. Важным моментом доклада стало то, что Мазаева показала не только близость позиций Шпета и Белого, но и их созвучность стремлениям Серебряного века к поиску смысла и сути слова как выразителя культуры «здесь и сейчас».

В докладе М. Трыбовской проводилось сравнение антропологических концепций Шпета и Р. Ингардена, которые сближает установка на эстетические ценности. В докладе И.Чубарова поводилось сравнение концепций Шпета и Ж. Делеза, при этом автор доказывал, что близость понимания смысла и способов субъективации у этих ученых основана на общности социально-политического мировоззрения, в частности на идеях Ницше и Маркса, поиске логики революционного становления действительности. В то же время Е. Кохан в своем докладе, говоря о работах Шпета, подчеркнула, что его труды неотделимы от его личности, а потому и то, и другое пришло в неизбежный конфликт с догматизмом сталинского времени, привело к гибели ученого.

Значительное внимание было уделено и анализу работы Г.Шпета «Очерки развития русской философии». М. Окутюрье и В. Ванчугов в своих докладах анализировали парадоксальность подхода Шпета к анализу развития русской философии. В своем «очерке» Шпет использовал метод, заимствованный им у Юма, и блестяще описанный в статье «Скептицизм и догматизм Юма». Его критика первоначального этапа становления философии в России направлена, по мнению Ванчугова, не только на выделение «российской специфики», но и на «подновление» картины ее развития. Достаточно жесткая критика, данная Шпетом, связана, как показал Окутюрье, с его надеждой и желанием ее дальнейшего плодотворного развития, возрождения бескорыстного мышления, то есть творческого подхода к исследованию, а не прагматического стремления найти «истину», которую можно использовать в конкретных задачах. М. Окутюрье также обратил внимание на анализ Шпетом роли российской интеллигенции в развитии философии, шире, науки в России. Этот вопрос, который в рамках конференции не был окончательно раскрыт, еще ждет своего дальнейшего исследования.

Говоря о работах Шпета по феноменологии, С. Хоружий проанализировал их отличия от концепции Э. Гуссерля и от зарубежной феноменологической традиции в целом, проводя сравнительный анализ в том числе и с холистическими положениями интенциональной философии и психологии.

Б. Пружинин и Т. Щедрина в своих докладах подчеркивали важность поворота Шпета к коммуникативному аспекту познания. Пружинин подчеркнул значимость того факта, что в работах Шпета ценность общения, актуализированная в работах и других ученых того времени, была спроецирована на методологию гуманитарных наук. Поэтому для современной методологии гуманитарных наук необходимо разделять вслед за Шпетом номинативную и семасиологическую функции слова, связанные, соответственно, с его предметной и смысловой отнесенностью. Развивая положение об актуальности для современной науки ориентированности Шпета на коммуникативный подход, Щедрина в своем докладе обосновывала эту позицию Шпета с помощью, как опубликованных текстов, так и архивных материалов, показывая важность идей Шпета и для философии, и для психологии, и лингвистики, истории и культурологии.

Н. Автономова подчеркнула значение работ Шпета в решении проблем, связанных с этнодетерминизмом., говоря о необходимости найти в русской культуре традиций, которые бы не абсолютизировали самобытность и стали опорой не апологетического, но критического анализа, не отрицая существования таких традиций в принципе.

Говоря о значимости творчества Шпета для современной гуманитарной науки, М. Гусельцева подчеркнула, что работы Г. Шпета – это методологическая рефлексия будущего

психологии, которая в настоящее время стоит перед лицом нескольких «вызовов»: постмодернизма, постнеклассических идей и методологических «поворотов» гуманитарных наук. Ответы на эти вызовы помогают искать труды российских ученых начала XX в. (Г. Шпета, М. Бахтина и др.). Ранние работы Г. Шпета (например «Один путь психологии и куда он ведет») содержат обоснование культурно-аналитической традиции в психологии, а поздние (в период работы в ГАХН) – новую исследовательскую парадигму, содержащую идеи постмодернистской и постнеклассической психологии.

Значительное место в работе конференции занимали доклады, посвященные лингвистическим работам Шпета. В докладе М. Денн проводился серьезный и глубокий анализ структуры слова и выражения в работах Шпета. Она убедительно продемонстрировала, что герменевтический подход Шпета открывает перспективы выхода из ограниченности методологии постмодерна в более широкий гуманитарный контекст. А. Шиян указала на неоднозначность трактовки языка в работах позднего Шпета, в которых внутренняя форма рассматривается, в том числе, и как метод образования понятий, а само слово связывает как с идеальной, отрешенной действительностью, так и с реальным миром предметов.

Можно предположить, что эта неопределенность связана и с незавершенностью творчества Шпета, вызванной трагичностью его судьбы. Но такая открытость идей Шпета для толкования и интерпретации одновременно является и стимулом для развития его идей в настоящее время. Интерес представляет и подмеченная докладчиком устремленность Шпета к творчеству Платона, трагический оттенок которого, связанный с событиями последних лет жизни философа, завораживал не только Шпета, но и В. Соловьева.

В докладах Л. Гоготишвили и Р. Грюбеля проводилось сравнение лингвистических и эстетических воззрений Шпета и Бахтина в докладах, указывалось на общность их устремлений, направленных на изучение роли культуры в развитии самосознания человека. С точки зрения Грюбеля, общим является и тот факт, что и анализ прозы Бахтина, и анализ поэзии Шпета основываются на исследовании опосредующих их средствах выражения, медиумах, которые связаны с культурой отображенной в произведении. Это сближает позитивные и негативные «лингвистические обороты» в работах Шпета и Бахтина, раскрывая роль их творчества при анализе современных художественных и философских произведений.

Продолжая линию сравнительного анализа Бахтина и Шпета, Л. Польщикова показала значение концепции внутренней формы слова в формировании теории интонации Бахтина. П. Флак сравнивал вклад Шпета в развитие структурализма в концепциями В. Шкловского и Мерло-Понти, было также показано родство концепции Шпета с семиотикой и работами Романа Jakobsona. Е. Вельмезова и М. Вендитти провели сравнительный анализ лингвистических работ Шпета с концепциями Н. Марра и А. Марти. Эва Коморовска показывала сходство идей Шпета с современными концепциями в лингвистике – структурализм, прагмалингвистика, когнитивизм, генеративная грамматика.

В. Зинченко сравнивал подход к проблеме внутренней формы слова Г. Шпета с исследованием внутренних форм действия и образа у Бернштейна и Запорожца. Эти внутренние формы, переплетаясь друг с другом, требуют от воспринимающих вчувствования, интерпретации и понимания.

Интересен лингвистический анализ понятия «Я» в работах Шпета, проведенный В. Молчановым. Он показал, как наряду с концептуальным подходом, Шпет проводит семантический анализ понятия Я, показывая разнообразные значения этого термина и прослеживая его изменения в русской и немецкой философии. Приводя известное изречение о том, что наше мышление попадает в беду из-за языка, Молчанов подчеркивал, что не надо искать общее у омонимов, их надо разделять. При этом, как и Шпет, он исходит из того, что Я - это омоним. Среди различных значений этого термина, можно выделить и связанное с самосознанием, и с разделением (отделением) себя от мира, и с направленностью на общение, и с осознанием своего предназначения, которое дает свободу человеку. Это последнее значение, по-видимому, было особенно близко Шпету.

О значении исследований, связанных с личностью и духовным миром людей для самого Г. Шпета, говорил и Г. Тульчинский, отмечавший, что это сближает работы Шпета и траекторию его научного развития, с направлением развития идей М. Хайдеггера. Отмечая, что на рубеже XX и XXI веков наметился поворот от позитивизма и феноменологии, через герменевтику и постструктурализм (постмодерн) к персонологической доминанте, Тульчинский подчеркнул, что эта динамика было прекрасно выражена в трудах Шпета, который уделял большое внимание исследованию природы и источников самосознания, как источника, средства и результата смыслообразования. Поэтому можно, по мнению Тульчинского, говорить о том, что в трудах Шпета заложены основы «глубокой семиотики», включающей персонологическое измерение свободы и ответственности как источника смыслообразования.

Неожиданные сближения, по-видимому, доказывают многоаспектность и значимость все еще не до конца исследованных идей Шпета, дающих основания для их рассмотрения под разными углами зрения и в разных дискурсах.

Поэтому не удивительно, что совершенно на других основаниях, о связи трудов Шпета с глубинной семиотикой говорилось в докладе В. Фещенко, который показал значение подхода Шпета к проблеме языка для развития традиции «глубинной семиотики». Работы Шпета открывают путь для исследования внутреннего языка творческого человека и внутренней системы его текстов. Это направление, также как и русский структурализм, во многом сформировалось под влиянием идей Шпета, однако до настоящего времени эта связь еще мало изучена. Помимо всего, этот подход открывает возможность анализа и трудов самого Шпета как отображения его ценностей, установок и научных устремлений.

Возможности такого анализа были продемонстрированы в докладе О. Новиковой, которая рассмотрела творчество Шпета с позиции писателя. Она подчеркнула два важных момента в научном творчестве Шпета – его эмоциональную вовлеченность, не отстраненность, но ярко выраженное отношение к слову, передаваемому бумаге, и его личностная направленность. Эмоциональное отношение к слову подчеркивается структурой выражения, большим количеством метафор, нарочитом простонародном огрублении, окказионализмах (склубляется), оксюморонах (надоедать бессмысленным умам), включенных в научный текст. Ирония и самоирония Шпета, весьма характерная для его письма, позволяет увидеть за личностью творца и личность самого автора. Материалы, представленные Новиковой, дают основания говорить о том, что, подчеркивая важность, как философской рефлексии текста, так и его авторской отнесенности, Шпет имел в виду и собственное творчество. А более прозрачный фон для такого анализа в художественной литературе, возможно, и привел его к эстетике, которая явно занимала в его творчестве в последние годы все более значительное место. Это доклад также доказывает, что связь Шпета с современной методологией нарратива и использование его идей при исследовании личности в парадигме «человек-текст» имеет не только психологические и методологические, но и лингвистические основания.

Связывая эстетические и лингвистические исследования творческого наследия Шпета, В. Новиков в своем докладе сравнил подходы к проблеме образа и образности в искусстве Шпета и Тынянова. В. Новиков показал, что, несмотря на серьезные разногласия между формалистами (ОПОЯЗ) и Шпетом, это были споры внутри одной познавательной концепции, отличающейся по всем параметрам от развивавшегося и усиливавшегося в те годы догматического подхода. Это и привело к закрытию ОПОЯЗа и ГАХНа, непринятию и Шпета, и Тынянова, не укладывавшихся в прокрустово ложе советской эстетики и советской лингвистики.

Новиков также показал, что, хотя формально Тынянов, полемизируя с идеями Шпета, заложенными в «Эстетических фрагментах», и отвергал необходимость философской рефлексии текста, его художественные произведения подтверждают, что эти разногласия были поверхностными. Все тексты Тынянова дают богатую пищу для философской интерпретации, сопрягаемой с личностью самого Тынянова, то есть скорее подтверждают,

чем опровергают тезис Шпета. Исходя из этого, Новиков говорит о важности возвращения к идее Шпета об изучении разных ликов творца, проявляющихся в его произведениях, возможности на основе этого исследовать типологию авторских приемов, соотнося ее с типологией авторских личностей. Это интересная задача и для литературоведов, и для психологов, и для философов.

А. Люсый, отталкиваясь от работы Шпета «История как проблема логики», показал, что заложенные Шпетом идеи можно рассматривать как основания для осознания новых исторических жанров, появляющихся в современной культуре, в том числе и современной прозы (например, исторической прозы Акунина).

Неожиданный и провокационный, иронический, в духе Шпета, поворот в исследовании его эстетических воззрений был продемонстрирован в докладе П. Штейнера, который попытался объяснить приведенную в «Эстетических фрагментах» формулу эстетического восприятия мира. Приводя три версии, связанные с появлением этой формулы, Штейнер говорит о том, что это может свидетельствовать как о влиянии идей Ницше об интеллектуальной игре, необходимой в науке, так и о попытке привести, согласно позитивистским устремлениям того времени, эстетику к форме представленности точных наук. Однако, по мнению Штейнера, наиболее справедливым является предположение о том, что в данном случае это был провокационный ход со стороны Шпета, который, введя иронию в дискурс академического обсуждения проблемы, довел до абсурда стремления некоторых ученых объективировать эстетику, показав утопичность и абсолютную бесперспективность подобных попыток.

Исследование роли ГАХН в творчестве Шпета и в развитии его идей, прежде всего, проблемы внутренней формы, было представлено в докладах Н. Полевой и М. Гудини. В этих докладах обращалось внимание на то, что в деятельности философского отделения и других подразделений и секций академии, понятие внутренней формы слова было модифицировано в понятие внутренней формы художественного произведения. Переход понятия «внутренняя форма» из области философии языка в область философии культуры отрывал широкие возможности изучения эстетического бытия как наиболее отрешенного из видов бытия и, в то же время, как кристаллизованной духовности человека и созданной им культуры. При этом, по мнению Полевой, связь философии культуры и психология искусства являлась основанием и для исследования процесса становления культурного самосознания человека. Эти исследования опирались на методологию Г. Шпета, использование алгоритма структурного анализа слова и художественного произведения при анализе литературных и живописных произведений.

О роли ГАХН и ее предшественников говорилось и в докладе И. Ивановой, раскрывшей большую роль института Живого Слова, который по многим параметрам стал предшественником ГАХН, отражая и стремление к системному анализу разных сфер культуры, и к междисциплинарности и к созданию философии культуры на основе философии языка. Именно эти положения и стали в дальнейшем основой деятельности ГАХН.

В докладах Н. Полевой, Г. Тиханова, В. Аристова было показано большое значение работ Шпета для развития театра и поэзии. Шпет подчеркивал важность театрального искусства как одного из наиболее синтетических видов искусства, в котором спелись музыка, речь, движение, свет, пластика тела и т.д. При этом большое внимание он уделял дифференциации подходов каждого из участников спектакля в общей его картине, заложив методологические основания для театроведческого анализа современных видов искусства, как моделей динамических поэтических реализаций. Поэтому так важно изучение работы Шпета в академии Станиславского, его планов по организации театральной секции практики и технологии внутренней формы. В. Аристов говорил также о значимости понятия внутренней формы для современной поэтики, прежде всего в школе метареализма

И. Агеева показала сходство и различия в трактовке Шпетом и В. Волошиновым понятия слова, прежде всего в важности с точки зрения обоих динамического компонента в

его структуре. Противопоставляя подход к внутренней форме слова Шпета и символистов, Р. Берд также подчеркнул значение для Шпета именно динамического аспекта слова, связывая это с открытостью, текучестью внутренней формы, что роднит подход Шпета с современным понятием нарратива. Р. Берд, связывая открытость внутренней формы в трактовке Шпета с работами современных художников (например, Андрея Тарковского) показал, что ценность такого подхода в том, что он раскрывает способность художественных знаков производить новые смыслы. В этом плане нарратив, также как динамическая внутренняя форма, выражающая изменяющиеся представления людей, в большей степени имеет креативный потенциал, чем зафиксированный символ, которые еще больше фиксируются символистами, относящими его к определенной эпохе и ситуации и наполняя достаточно жестким смыслом.

Интерес представляет и сделанная в докладах Г. Кохлер и Н. Щеткиной-Роше попытка исследования внутренней формы музыкальных произведений, тем более, что сам Шпет, достаточно равнодушный к этому виду искусства, никогда не использовал музыкальные произведения в качестве предмета своего исследования. Шпет, стремясь создать комплексную эстетическую систему, не мог обойти музыку. Однако, как показала Щеткина-Роше, эмоциональная насыщенность музыкальных произведений, особенно, обращенных к восточной традиции (Дебюсси, Равель) не представляла для него интереса и осталась непонятой. В то время, Кохлер говорила о том, что музыка Скрябина и его поиски новых музыкальных форм, вызвали несомненный интерес, как предмет для анализа и размышлений. При этом Шпет считал, что нотная запись и реальное звучание музыки - это соотношение и есть соотношение разных форм музыки. Таким образом, можно говорить, что интеллектуализм и скептицизм Шпета - философа проявлялся и в его эстетических работах, направляя его художественные предпочтения.

В заключении конференции говорилось о необходимости более широкого введения идей Шпета в контекст современных гуманитарных наук. В этом плане абсолютно неожиданным и интересным был доклад Н. Завьялова, который связал работы Шпета с современными исследованиями в когнитивной психологии. При этом слово, рассматриваемое Шпетом в рамках определенной культурной парадигмы, связывается Завьяловым с разными формами коммуникативного и речевого поведения, и интерпретируется в дискурсах современной социозологии, нейропсихологии и психолингвистики (в частности, сопоставляется с работами Н. Хомски). Такой подход, безусловно, представляется важным, он открывает новые перспективы и перед психологией, и перед исследованиями наследия Шпета.

Более традиционным был доклад Т. Марцинковской, которая говорила о трех направлениях инкорпорирования представлений Шпета в современную науку. Его концепция переживания позволяет по-новому подойти к вопросу о механизме формирования социального и этнического самосознания (идентичности). Положение Шпета о культуре как образующей личности открывает пути для исследования процесса социализации, особенно в эпоху нестабильности, т.к. культура может рассматриваться как синергетический фактор, структурирующий процесс социализации в кризисные периоды. Идеи Шпета о путях преодоления натуралистической позиции и построения междисциплинарных связей важны для решения методологических проблем современной психологии.

Подводя итоги конференции, можно сказать о том, что ее содержание можно представить в виде созданной Шпетом концепции форм слова и художественного произведения. Была внешняя форма конференции, представленная многими учеными на многих языках. Была ее внутренняя форма, отражающая представления ученых о творчестве Шпета и представленная в разных дискурсах, отражающих разные грани этого творчества. Как и писал Шпет, говоря о важности именно внутренней формы, связанной с духовностью человека, пожалуй, именно это внутренняя форма стала наиболее интересной и завораживающей в ее работе. Но было, конечно, и огромное значение конференции, первого крупного международного собрания ученых, посвятивших свое творчеству исследованию работ российского мыслителя.

Марцинковская Т.Д.